

УДК 94(47+57)

**ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И КУЛАЦКИЙ ВОПРОС
В 1920–1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ)****Иванцов И.Г.***ГОУ ВПО «Краснодарский Государственный университет культуры и искусств»
Министерства культуры России, Краснодар, e-mail: kguki@list.ru*

Исторический опыт становления и развития советской партийно-государственной системы дает возможность не только осмыслить инструменты управления большевиками Советской Россией, Советским Союзом, но так же понять сложные факторы развития отечественного исторического процесса в советский период. Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) являлся для ВКП (б) и верным «младшим» помощником в продвижении идей и решений партии на местах, их пропаганды в первую очередь в среде молодежи. Кроме того ВЛКСМ являлся, как формально, так и по существу кадровым резервом, откуда рекрутировались претенденты в члены правящей партии, причем проявившие себя на комсомольской работе составляли кадровый резерв управленческих должностей. Разбором конфликтных дел по апелляционным заявлениям членов и кандидатов Союза, исключенных из комсомола, и подвергнутых иным взысканиям занимались конфликтные комиссии ВЛКСМ. Их деятельности и посвящена данная статья.

Ключевые слова: ВЛКСМ, КК-РКИ ВКП (б), конфликтные комиссии, партийно-государственный контроль**ON CONFLICT COMMISSIONS IN THE LEAGUE (ON MATERIALS OF REGIONAL
QC-RCT NORTH CAUCASIAN REGION) 1925–1934 GG****Ivantsov I.G.***GOU VPO «Krasnodar State University of culture and arts» of Ministry of culture of Russia, Krasnodar,
e-mail: kguki@list.ru*

The historical experience of formation and development of the Soviet party-state system gives you the opportunity not only to understand the management tools Bolsheviks of Soviet Russia, the Soviet Union, but also to understand the complex factors of development of the national historical process in the Soviet period. All-Union Leninist Communist Union of youth (Komsomol) was for the CPSU (b) and faithful Junior assistant in the promotion of the ideas and decisions of the party, their propaganda is primarily among young people. In addition, the Komsomol was, formally or essentially a personnel reserve, where recruited candidates to members of the ruling party, and proved himself on the Komsomol was a personnel reserve of the managerial positions. The analysis of the conflict cases on appeal to the statements of members and candidates of the Union, expelled from the Komsomol, and subjected to other punishments were engaged in the conflict Committee of the Komsomol. Their activities and focus of this article.

Keywords: the Komsomol, QC-RCTS of the CPSU (b), the mediation Committee, the party-state control

Вплоть до середины 1920-х годов государственная налоговая политика СССР решала фискальные, а не классовые задачи. Величина налога была прямо пропорциональна размеру доходов хозяйств. Элементы «классовости» появляются лишь с введением в 1925–1926 г. необлагаемого минимума для маломощных хозяйств и усилением прогрессивности налогообложения для экономически крепких хозяйств. Но и тогда законодательство не выделяло кулацкие хозяйства в самостоятельную налоговую группу и не предусматривало особого порядка выплаты налога.

Нормативно-правовая база, которая регламентировала условия предоставления государственного кредита, до 1925 г. не предусматривала различий в условиях кредитования в зависимости от социальной принадлежности. Кредитование по социальным категориям крестьян было провозглашено в 1925 г., однако дифференциация условий предоставления кредитов по «клас-

совому» признаку в законодательстве так и не проводилась до 1928 г. [7].

Началом ускоренной ликвидации нэпа в стране стали тайные директивы Политбюро ЦК от 14, 24, 28 декабря 1927 г. и 6 января 1928 г. Согласно этим директивам органы управления на местах обязывались запретить частную торговлю хлебом, проводить обыски недоимщиков и осуществлять их аресты, распределять промтовары только среди бедняков и в обмен на хлеб, отсрочить выборы в местные советы. Бедноте в кредит давалось 25% конфискованного у имевших «излишки» зерна имущества. В зерновые районы посылались секретные уполномоченные ЦК, имевшие право ареста сопротивлявшихся заготовкам [6]. Крестьяне подвергались «самообложению» сверх нормы налогов. Планы заготовок подлежали исполнению до 16 января (1928 г.) под угрозой репрессий против партийно-государственных работников, которые возлагались на органы ОГПУ, прокуратуру, а так-

же предусматривалось участие и органов внутривнутрипартийного контроля.

Создается законодательная база репрессий в судебном и административном порядке. Особенность нормативно-правовой базы репрессий по решению судебных органов состояла в том, что УК РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927–1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях за социальный статус. Особые меры социальной защиты и особый порядок возбуждения уголовного преследования в отношении кулаков определялись в секретных подзаконных актах НКЮ и Верховного суда РСФСР. Органы юстиции должны были руководствоваться не соображениями формально-юридического характера (статьями УК РСФСР 1926 г. и новыми редакциями статей), а установками партийно-государственного руководства страны и пресловутым классовым подходом. Уже летом 1929 г. были узаконены такие методы классовой борьбы против кулака, как полная конфискация имущества по решению сельского совета за невыполнение заданий по заготовкам и невыплату налоговых платежей, определены особые условия конфискации имущества кулака.

Документы центральных финансовых органов разъясняли наиболее распространенные эксплуататорские признаки: применение наемного труда, скупка и торговля. Определялся также ряд существенных ограничений в их трактовке. Во-первых, оговаривался срок действия нетрудовых доходов (предшествующий окладный год): хозяйства, имеющие нетрудовые доходы до мая 1928 г., индивидуальному обложению не подлежали. Во-вторых, указывался ограничительный минимум размера дохода, ниже которого хозяйство не могло облагаться налогом в индивидуальном порядке (500 руб., в том числе нетрудовой доход – более 125–150 руб.). В-третьих, в постановлениях местных исполкомов оговаривались количественные ограничители и по другим эксплуататорским признакам, в том числе за применение наемного труда.

Предоставив краевым и областным исполкомам право вносить изменения в перечень признаков «применительно к особенностям отдельных районов», директивы центральных финансовых органов в начальный период налоговой кампании предупреждали о недопустимости чрезмерного их расширения и дополнения, чтобы не допустить повторения ошибок предыдущего года. Однако уже 15 ноября 1930 г. было принято постановление Политбюро «Об усилении налогового режима на явно и скрыто кулацкие элементы». В 1931 г. для

единоличников-кулаков (к ним зачастую относили и очень многих середняков) была установлена специальная шкала доходов с резко выраженной прогрессией. При доходе в 500 рублей на хозяйство взыскивалось 100 рублей (20%), при доходе от 500 до 700 рублей – 30%. От 700 до 1000 рублей взыскивалось 40% и т.д. С учетом же самообложения и культсбора хозяйства при доходе от 500 до 700 рублей должны были платить налоги на сумму до 90% годового дохода, а при доходе от 700 до 1000 рублей до 120% годового дохода [3]. Такое налогообложение вело к разорению. И самое главное, что собираемость налогов не выросла, а довольно заметно упала.

В Северо-Кавказском крае, по частному сектору недоимка налогов на 1 января 1931 г. составила 4 386 468 рублей. На 1 января 1932 г., она составила уже 9 440 372 рубля, или 115,2%. В связи с этим президиум и коллегия краевой КК-РКИ постановила усилить свой контроль над финорганами края, охватить проверками в течение 1932 г., не менее 50% финорганов. Районные КК ВКП (б) привлекали к сбору недоимок органы суда, прокуратуры, уголовного розыска и милиции, усиливали контроль и наблюдение за налоговой работой финорганов по частному сектору [10].

В сентябре-октябре 1929 г. секретными директивами НКФ СССР вносятся изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую эксплуататорские признаки, с целью устранения «всех формальных моментов, которые в малейшей степени препятствовали полному выявлению кулацких хозяйств». В сентябре 1929 г. НКФ СССР отменил установленный весной минимальный суммовый признак дохода, при наличии которого допускалось привлекать хозяйство к индивидуальному обложению. Местным исполкомам было предписано внести изменения в обязательные постановления: расширить признаки, служащие для определения кулацких хозяйств, пересмотреть (или отменить) установленные ранее количественные ограничители, в том числе и по признаку применения наемного труда. НКФ СССР потребовал облагать налогами в индивидуальном порядке все кулацкие хозяйства, имеющие один из признаков, вне зависимости от размеров дохода (в том числе нетрудового) или применения наемного труда.

С осени 1929 г. региональные органы управления в директивах, а местные работники в своей практической деятельности руководствовались не нормативно-правовой базой первой половины 1929 г., а секретными директивами центральных финансовых ведомств, принятыми осенью 1929 г.

В законодательстве 1928 – первой половины 1929 гг. были сформулированы четкие и достаточно однозначные социально-экономические признаки определения эксплуататорских хозяйств. Но, позволяя выявлять эксплуататоров (их было в деревне к тому времени уже очень мало, они просо вывелись), они ограничивали возможности выявления крестьян, с точки зрения власти «враждебно настроенных к экономической политике». Отмена основных ограничений в трактовке эксплуататорских признаков устранила существовавшие ранее серьезные препятствия и позволила при необходимости определять «классовое лицо» по политическим критериям, формально подкрепляя их социально-экономическими. Таким образом, была создана необходимая «правовая» база для превращения «кулаков» из социально-экономической группы сельских эксплуататоров в социально-политическую группу «врагов».

После завершения ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК, специальная комиссия, возглавляемая А. Яковлевым, разрабатывала график коллективизации, другая комиссия во главе с В. Молотовым занималась решением участи кулаков. 27 декабря 1929 г. И.В. Сталин призвал к ликвидации кулачества как класса. Комиссия Молотова разделила кулаков на 3 категории: в первую (63 тыс. хозяйств) вошли кулаки, которые занимались «контрреволюционной деятельностью», во вторую (150 тыс. хозяйств) – кулаки, которые не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись в, то, же время «в высшей степени эксплуататорами и тем самым содействовали контрреволюции». Кулаки этих двух категорий подлежали аресту и выселению в отдаленные, малообжитые районы страны, а их имущество подлежало конфискации. Кулаки 3-й категории осуждались на переселение в пределах областей из мест, где должна была проводиться коллективизация, на бесплодные и необработанные земли. Для проведения раскулачивания создавались «штабы коллективизации», состоящие из местного партийного руководства, представителей милиции, начальников гарнизонов и ответственных работников ОГПУ. Проводилось оно специальными комиссиями под надзором «троек», состоящих из первого секретаря партийного комитета, председателя исполнительного комитета и руководителя местного ОГПУ. Составлением списков кулаков первой категории занимался исключительно местный отдел ОГПУ. Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учетом мнений деревенских активистов и организаций де-

ревенской бедноты, что открывало широкую дорогу разного рода злоупотреблениям и сведению старых счетов.

В течение 1929 года произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и доносам односельчан подозреваемых.

Документы комиссий внутрипартийного контроля ВКП (б) показывают, что с осени 1929 г. в деревне начинается экспроприация кулацких хозяйств и привлечение к судебной ответственности злостных неплательщиков. Кампания рассматривалась как средство «классового перераспределения хлебных ресурсов и наступления на кулака, а с осени 1929 г. – и раскулачивания хозяйств. В документах северокавказских краевых органов КК-РКИ ВКП (б), зимой 1929–30 г. открыто говорилось о необходимости увеличения заданий по хлебозаготовкам для кулацких хозяйств с целью «подвести» их под раскулачивание. Экспроприация же хозяйств началась осенью 1929 года.

Формы внесудебных репрессий, осуществляемых по решению органов партийной, исполнительной власти и ОГПУ, определялись в зависимости от приписываемости кулака к одной из трех категорий на основании политического (лояльность по отношению к «мероприятиям партии по социалистической реконструкции хозяйства») и социального (степень зажиточности) признаков.

Для проведения раскулачивания создавались «штабы коллективизации», состоящие из местного партийного руководства, представителей милиции, начальников гарнизонов и ответственных работников ОГПУ. Проводилось оно специальными комиссиями под надзором «троек», состоящих из первого секретаря партийного комитета, председателя исполнительного комитета и руководителя местного ОГПУ. Составлением списков кулаков первой категории занимался исключительно местный отдел ОГПУ. Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учетом мнений деревенских активистов и организаций деревенской бедноты, что открывало широкую дорогу разного рода злоупотреблениям и сведению старых счетов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и доносам односельчан подозреваемых.

Так, в Сальском округе Северокавказского края при проведении хлебозаготовок в 1929–1930 году секретарем окружного комитета ВКП (б) – Падериным был издан ряд указов и распоряжений, в соответствии с которыми проводились обыски и изъятия зерна ночью, в которых лично участвовали зам. председателя Сальского исполкома – Бондаренко и секретарь Цимлянского райкома Акимов. Падерин писал «расплывчатые циркуляры» с предложениями «зверски и жестоко» нажать на кулацкую и зажиточную верхушку. Но в связи с отсутствием четкости в определениях, местными работниками мероприятия по заготовкам в целом ряде станиц применялись не только к кулакам, но и к середнякам с бедняками. Причем одна из директив Падерина «оставить кулака без штанов» была понята и выполнена буквально. Изымалось все вплоть до детских пеленок и пустых бутылок [1].

Возможным это стало и потому, в том числе, что в начале 1930 г. были расширены права органов исполнительной власти на применение репрессий. Это позволяло раскулачить любую семью, внесенную в «кулацкие» списки. Кроме того органы исполнительной власти получили право принимать решение о выселении раскулаченных семей (ответственность за проведение «операции» возлагалась на органы ОГПУ) [2].

В 1930–1932 гг. были внесены существенные изменения в нормативно-правовую базу репрессий по решению судебных органов. Новые редакции статей УК РСФСР 1926 г., во-первых, установили, что в отношении кулаков для применения репрессий не требовалось обязательного предварительного административного воздействия, во-вторых, определили применение особых мер социальной защиты и особого порядка возбуждения уголовного преследования к кулакам.

В отличие от административной высылки, которая носила семейный и бессрочный характер, выселение по решению суда в 1930 г. применялось в отношении лица, приговоренного к этой (основной или дополнительной) мере социальной защиты, и не затрагивало членов семьи осужденного; срок высылки определялся приговором суда. С 1931 г. эти различия исчезают и выселению подлежат все члены семьи кулаков, находящиеся под следствием или осужденных судами и органами ОГПУ.

Всего из районов сплошной коллективизации Северного Кавказа в 1930–1931 гг. было выселено 38404 семей. Всего в СССР за 1930–1931 гг. было выселено 381173 семьи или 1803392 человека (по справке От-

дела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.») [4]. Начиная со второй половины 1932 г. выселение по второй и третьей категориям полностью прекратилось. Ряды спецпереселенцев с этого времени начали пополняться только раскулаченными первой категории. К 1934 г. и раскулачивание по первой категории сошло на нет. Документом, положившим конец массовым репрессиям, явилась «Инструкция ЦК и СНК» от 8.05.1933 г. [5], за подписями Сталина и Молотова, адресованная «всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Эта директива-инструкция ставила задачу перед следственно-судебными органами о ликвидации массовых репрессий, «в связи со сложившейся новой благоприятной обстановкой в деревне». «Наступил момент, когда у нас уже нет потребности в массовых репрессиях, которые, как известно, касаются не только кулаков, но и единоличников и части колхозников».

В ноябре 1933 г. президиум северокавказской краевой КК-РКИ ВКП (б) отмечал «достижения» в этой области:

1. Судебные репрессии, ранее выражавшиеся в долгосрочных заключениях, с 1.09. 1933 г. уступили место исправительно-трудовым работам без содержания под стражей. Если за первую декаду августа (1933 г.) по 57 судебным участкам из 1355 осужденных были приговорены к 10 г. лишения свободы 457 человек, а к ИТР – 416, то за первую декаду сентября по 74 судебным участкам к 10 годам было приговорено 60, а к ИТР – 509 человек.

2 Уменьшились судебные репрессии в отношении середняков и бедноты.

3. Крайсуд и крайпрокуратура освободили по северокавказскому краю из-под стражи (в сентябре-ноябре) 3578 человек [8].

Однако репрессии продолжались вплоть до 1936 года, хотя, конечно же, в гораздо меньших масштабах.

В конце 1932 г. политика «ликвидация кулачества как класса» была объявлена завершенной. Однако сразу же началась кампания против единоличников, не выполнявших государственных заданий и занимающиеся «спекуляцией», а также «бывших колхозников», исключенные из своих колхозов за вредительство. Особенно много их исключалось с этой формулировкой в «политотдельский период», в 1933–1934 гг. Изменилась и понимание «лояльности к советской власти». Если в начале 1930-х гг., это главным образом была готовность вступить в колхоз, то в 1933–1934 гг. это уже добросовестное и безропотное вы-

полнение государственных заданий по производственным заготовкам.

Новая трактовка «классового врага» определила характер изменений, внесенных в 1933 г. в налоговое законодательство. К основным «кулацким» признакам в 1933 г. относились: 1) проживание «на ранее нажитые доходы» («бывший кулак» – сельский эксплуататор бедноты), 2) невыполнение государственных заданий и занятие спекуляцией, а также факты исключений из колхоза. В условиях общей политики «наступления единым фронтом на единоличника» увеличивались налоговые платежи «трудовых» хозяйств. Многие сельсоветы «завышали учет доходов» единоличников, «искусственно создавали неплательщиков» из хозяйств единоличников. Невыполнение государственных обязанностей, по решению органов исполнительной власти нередко вело к ликвидации хозяйства единоличников, а сами они зачастую привлекались к судебной ответственности.

В результате «социалистических преобразований сельского хозяйства» был ликвидирован класс мелких собственников и создан новый класс, называемый теперь «колхозное крестьянство». Несмотря на огромные жертвы, неоправданные материальные потери, огромный нравственный ущерб, сталинская реформа деревни, как ни странно, оказалась жизнеспособной. Из законодательства 1934 г. исключалась статья об отнесении к кулацким хозяйств, «злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств». В 1935 г. было продлено действие «Положения» 1934 г. Существовавший порядок налогообложения кулацких хозяйств был отменен постановлением ЦИК и СНК СССР «О продлении действия Положения о сель-

хозналоге» от 20 июля 1936 г. Но и кулаков к тому времени уже не осталось.

31 июля 1936 года «Правда», «Известия ЦИК» опубликовали постановление ЦИК и СНК СССР «О снятии судимости с колхозников», подписанное М.И. Калининым и В.Я. Чубарем. Согласно постановлению получили амнистию осужденные за антиколхозные выступления на сроки условного заключения не свыше 5 лет. Было рассмотрено более 165 тысяч дел и амнистировано до 122,3 тысячи колхозников по всей стране. Эти цифры еще раз характеризуют масштабы репрессий.

В Азово-Черноморском крае на 31 декабря 1935 года подобная работа была проведена по 118 районам и городам с сельской территорией. Судимость была снята с 20443 тыс. колхозников [9].

Список литературы

1. Солопов А. Кого считали кулаком в 1924–1925 годах? // Трудные вопросы истории. – М., 1991. – С. 83–100.
2. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф.8. Оп.1. Д.337. Л.18, 18 об., Д.442. Л. 1., Ф.12. Оп.1, Д.103. Л.4, 5.
3. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 157–158.
4. ЦДНИКК. Ф.8485. Оп.1. Д.10. Л.43–44.
5. ЦДНИКК. Ф.8003. Оп.1. Д.5. Л.19–20.
6. Иванцов И.Г. «Антикулацкая операция» в Темрюкском районе Северо-Кавказского края в начале 1931 г., разработка «технологии» ее проведения, итоги // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой операции НКВД СССР: Материалы V Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2008. – С. 121–129.
7. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. – С. 179; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. С.5.
8. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.59. Л.2.
9. ЦДНИКК. Ф.8485. Оп.1. Д.13. Л.111.
10. Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. – С. 428, С. 444–445.